

которые продолжали учить о предопредѣленіи совершенно согласно съ учителями древними. Во второмъ періодѣ почти исключительное вниманіе автора обращаетъ на себя то вѣроопредѣленіе относительно предопредѣленія, какое представителями восточной церкви было сдѣлано на іерусалимскомъ соборѣ 1672 г., и выражено въ посланіи восточныхъ патріарховъ. А такъ какъ это вѣроопредѣленіе было направлено противъ развившагося въ протестанствѣ до крайнихъ придѣловъ предестинаціанизма, то для объясненія послѣдняго явленія онъ находитъ нужнымъ прослѣдить вкраткѣ позднѣйшую на западѣ судьбу ученія Августинова о предопредѣленіи до принятія имъ самыхъ крайнихъ и послѣднихъ границъ своего развитія въ обществѣ реформатскомъ. Изложивши затѣмъ это ученіе въ послѣднемъ его видѣ, онъ представляетъ соотвѣтственное опроверженіе, чѣмъ и заканчиваетъ свое сочиненіе.

Планъ сочиненія обнимаетъ собою въ предметъ всѣ его выдающіяся стороны. Нѣкоторыя изъ этихъ сторонъ, впрочемъ второстепеннаго свойства, представлены авторомъ довольно сжато, бѣгло и скудно, но другія, и именно главнѣйшія и существеннѣйшія стороны изображены имъ и полно и характерно. Составляющій самое важное въ сочиненіи анализъ какъ откровеннаго, такъ и древне-отческаго ученія о предопредѣленіи и достаточно полно и кромѣ того проникнуть строгою логическою мыслию, всему дающею свой смыслъ, все объединяющею и искусно направляющею къ своей цѣли. Такая же логическая строгость и послѣдовательность замѣчается во всемъ сочиненіи. И языкъ у автора за небольшими исключеніями хорошо выработанный, точный и ясный. Вообще сочиненіе представляетъ собою серьезный научный трудъ и можетъ быть признано очень удовлетворительнымъ для степени кандидата. (4)“.

Отзывы экстраординарнаго профессора *Ак. Оленич-кино*: а) о сочиненіи студ. *Ник. Оаворова* на тему: „книга Пѣснь Пѣсней.“

Протоколы.

»Въ сочиненіи дается три главы: 1) исторія толкованій книги, II) форма книги Пѣснь Пѣсней и III) время ея написанія. I) Въ главѣ объ исторіи толкованій авторъ разсматриваетъ различные оттѣнки толкованія синагоги и особенно подробно христіанской церкви а) до половины XVIII вѣка, когда единственно возможнымъ и правильнымъ толкованіемъ признавалось *аллегорическое*, а буквальное отвергалось какъ заблужденіе (здѣсь разсмотрѣны воззрѣнія отцовъ церкви, схоластиковъ и первыхъ протестанскихъ богослововъ); б) съ половины XVIII вѣка до настоящаго времени, когда аллегорическое толкованіе заслонилося *этическимъ*, основывающимся на субъективныхъ психологическихъ подкладкахъ и *эстетическимъ* на почвѣ нату-ральной поэзіи. Авторъ живо изображаетъ борьбу между защитниками ортодоксальнаго направленія и не находитъ между новѣйшими толкованіями ничего достойнаго замѣнить древнеотеческія. II) По вопросу о формѣ авторъ сперва доказываетъ, что книга Пѣснь Пѣсней есть цѣлостное произведеніе и написана однимъ авторомъ, потомъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію гипотезы о драматическомъ и сценическомъ сложеніи разсматриваемой книги (Кейля, Евальда, Ренана, Кемпфа и др.) и опровергаетъ ихъ отчасти на основаніяхъ заимствуемыхъ изъ самой книги, отчасти на историческихъ свидѣтельствахъ, не позволяющихъ допустить у евреевъ самаго понятія о драмѣ. III) По вопросу о времени написанія авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію надписаніе книги, относящее ее къ произведеніямъ Соломона, языкъ книги, отзывающійся высокою древностію и имѣющій сходство съ языкомъ книги Притчей, а также историческіе, топографическіе и другіе элементы книги, и выводитъ заключеніе, что временемъ написанія книги Пѣснь Пѣсней могло быть только время Соломона. Въ изложеніи своихъ доказательствъ авторъ разбираетъ и опровергаетъ стоявшія ему на пути гипотезы.

Въ изложеніи этого содержанія авторъ показалъ солид-

ную подготовку къ занятію предметомъ; онъ старательно изучилъ все относящееся къ занимающему его вопросу, отъ отеческихъ толкованій до свѣжихъ прошлогоднихъ изслѣдованій, и пользуется собранными свѣдѣніями съ тактомъ, не увлекаясь остроуміемъ и оригинальностію разнородныхъ мнѣній, при встрѣчѣ съ которыми онъ прежде всего задается вопросомъ: есть ли для этого мнѣнія какое либо положительное основаніе? разумѣя надъ послѣднимъ прямое или косвенное свидѣтельство самой разсматриваемой книги или другихъ библейскихъ книгъ. Весьма не скудное научными свѣдѣніями, сочиненіе въ логическомъ отношеніи движется стройно и если оставляетъ чего либо желать, то только большей по мѣстамъ литературной отдѣлки, для которой, по его собственному признанію, у него не было времени. Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе вполне удовлетворительно.“

б) *о сочиненіи студента Ксенофонта Вознесенскаго на тему: „Древне-раввинское ученіе о Мессіи.“*

„Предисловіемъ къ сочиненію служить указаніе источниковъ древне-раввинскаго ученія о Мессіи, подъ которыми авторъ разумѣетъ неканоническія ветхозавѣтныя книги, говорящія объ этомъ предметѣ, таргумы и другія іудейскія сочиненія, не пропитанныя духомъ антихристіанской полемики. Въ самомъ трактатѣ разсматриваются слѣдующіе пункты ученія о Мессіи. 1) Мессія есть личность необыкновенная и единственная, вѣчно раждающаяся, соединяющая въ себѣ божескую и человѣческую природу безъ нарушенія единства личности. 2) Отношеніе Мессіи къ людямъ или исторія (тождотъ) Мессіи а) до явленія между людьми открыто: предвѣщный совѣтъ Мессіи съ Богомъ объ искупленіи человѣческаго рода, проявленія промыслительныхъ дѣйствій Мессіи въ отношеніи къ людямъ отъ созданія міра до Авраама, Исаака, Іакова, Іосифа, Моисея, Іисуса Навина, судей, царей и во время плѣна. б) Время при-

шествія Мессіи какъ уже исполнившееся, такъ называемые „предѣлы Мессіи“ и признаки, по которымъ можно было узнать пришедшаго Мессію. γ) Обстоятельства изъ исторіи Мессіи по явленіи Его во плоти: сказанія о рожденіи и дѣтствѣ Мессіи, о Его служеніи, страданіи, воскресеніи и вознесеніи на небо, о двухъ видахъ въ состояніи Мессіи уничиженномъ и прославленномъ. Всѣ эти пункты подтверждаются рядомъ цитатъ изъ тѣхъ источниковъ, на которые онъ указалъ въ предисловіи.

Въ такомъ видѣ сочиненіе автора является одностороннимъ, вслѣдствіе исключенія тѣхъ пунктовъ обширнаго своеобразнаго раввинскаго ученія о Мессіи, которые не согласны съ христіанскимъ ученіемъ и даже направлены противъ него. Односторонность сочиненія еще болѣе бросается въ глаза отъ неразграниченія между неканоническими ветхозавѣтными и собственно раввинскими произведеніями. Въмѣсто того, чтобы поставить ученіе неканоническихъ книгъ въ видѣ переходной ступени отъ ученія св. писанія о Мессіи къ ученію раввинскому, авторъ видитъ въ нихъ непосредственный источникъ раввинской христологіи. Но при этомъ недостатокъ въ постановкѣ сочиненія, за авторомъ его нельзя не признать нѣкоторыхъ заслугъ, къ которымъ прежде всего принадлежатъ: весьма удовлетворительное знаніе еврейскаго языка, достаточное знакомство съ изслѣдованіями по еврейской литературѣ и способность дробнаго систематическаго расчлененія предмета. Можетъ быть даже и указанный недостатокъ въ постановкѣ вопроса не есть положительный недостатокъ, а только подражаніе направленнымъ противъ іудеевъ тенденціознымъ конкорданціямъ христіанскихъ ученыхъ, которыми авторъ пользовался. Вообще же со стороны представленнаго сочиненія нѣтъ препятствій къ признанію за авторомъ степени кандидата богословія.“

Отзывы ординарнаго профессора Ст. Сольскаго: а) о сочиненіи студ. Андрея Стернова: „Значеніе свидѣтельства Папія іерапольскаго въ доказательствѣ подлинности первыхъ двухъ евангелій“.

„Авторъ сочиненія: „значеніе свидѣтельства Папія іерапольскаго въ доказательствѣ подлинности первыхъ двухъ евангелій“, въ началѣ изслѣдованія знакомить читателя съ современнымъ положеніемъ въ наукѣ вопроса о значеніи свидѣтельства Папія въ доказательствѣ подлинности евангельской исторіи. Группируя по классамъ изслѣдователей, онъ отличаетъ три направленія въ рѣшеніи занимающаго его вопроса. Въ то время какъ одни изъ критиковъ готовы были лишить всякаго довѣрія свидѣтельству Папія, другіе, защищая его достовѣрность, старались показать его неприложимость къ нашимъ каноническимъ евангеліямъ, третьи, отстаивая его подлинность, признають его полное соотвѣтствіе нашимъ первымъ двумъ каноническимъ евангеліямъ.

Въ виду такого раздѣленія во взглядахъ и сужденіяхъ ученыхъ изслѣдователей авторъ сочиненія 1) уясняетъ историческое значеніе и положеніе Папія, какъ свидѣтеля и писателя; 2) изслѣдуетъ самое его свидѣтельство о евангеліяхъ Марка и Маттея.

Уясняя положеніе Папія какъ свидѣтеля и дѣятеля, авторъ при помощи сочетанія, сопоставленія и филологическаго объясненія древне-отеческихъ свидѣтельствъ и свидѣтельства самаго Папія, приходитъ къ такому заключенію: „родиной Папія была малая Азія, гдѣ впоследствии онъ сдѣлался епископомъ главнаго города Фригіи Іераполя. По времени жизни Папій представляется мужемъ глубокой древности (70—163), стоящимъ на рубежѣ между перво-временемъ христіанства и послѣдующими вѣками. По своимъ личнымъ отношеніямъ съ одной стороны онъ тѣсно примыкаетъ къ первоучителямъ христіанской церкви очевидцамъ Господа. Онъ учился въ школѣ ап. Іоанна, жившаго въ то время въ Ефесѣ, слушалъ еще въ ранней юности Филиппа, могъ видѣть и слышать Андрея и вѣроятно нѣкоторыхъ изъ другихъ апостоловъ, наконецъ бесѣдовалъ съ двумя послѣдними представителями первой послѣ Христа tradi-

ціонной генераціи—Аристіономъ и пресвитеромъ Іоанномъ, пережившими всѣхъ прочихъ учителей его. Съ другой стороны самъ онъ представитель непосредственно послѣ-апостольской традиціонной генераціи; его товарищами и собесѣдниками были ученики апостоловъ, а въ числѣ ихъ главнымъ образомъ Поликарпъ, епископъ Смирнскій.“ Мнѣнія современныхъ критиковъ Кейма и другихъ, не согласныхъ съ его выводами, авторъ опровергаетъ довольно искусно, помощію подробнаго анализа свидѣтельства Папія и древне-отеческихъ показаній, а также указаніемъ искусственности въ построеніяхъ нѣкоторыхъ изъ ихъ доводовъ.

Остановливаясь затѣмъ на Папіѣ, какъ писателѣ, авторъ помощію разбора того же свидѣтельства Папія и отрывковъ изъ *λογίου χορηγῶν*, уцѣлѣвшихъ у Максима Исповѣдника, Амартолоса, Евсевія Кесарійскаго и другихъ церковныхъ писателей, приходитъ къ такому заключенію, что Папіѣ „былъ вѣкто иной, какъ экзегетъ логій Господнихъ“, заимствованныхъ изъ написанныхъ евангелій, во второй четверти втораго вѣка“.

Установивъ взглядъ на Папія, какъ свидѣтеля и писателя, авторъ во второй части изслѣдованія переходитъ къ изложенію и разбору самаго свидѣтельства о евангеліяхъ Марка и Матѳея. Изъ разбора свидѣтельства, его характеристики евангельскихъ записей Марка и Матѳея авторъ выводитъ заключеніе, что въ немъ нагляднымъ образомъ говорится о нашихъ первыхъ двухъ каноническихъ евангеліяхъ. Мнѣнія критиковъ, несогласныя съ такимъ положеніемъ, гипотетическаго характера, неопредѣленны и сбивчивы. Допущеніе евангельскихъ прототиповъ на основаніи этого свидѣтельства не выдерживаетъ критики. Преданіе не знаетъ другаго евангелія Петрова, кромѣ записаннаго ев. Маркомъ; евангеліе, извѣстное подъ именемъ евангелія къ евреямъ, значительно разнится отъ нашего каноническаго евангелія Матѳея. Остается отнести свидѣтельство Папія къ нашимъ каноническимъ евангеліямъ.

Такимъ образомъ въ уясненіи подлинности первыхъ двухъ каноническихъ евангелій это свидѣтельство является самымъ цѣннымъ внѣшнимъ историческимъ документомъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сочиненія. Слѣдуетъ сказать, что въ значительной части оно представляетъ серьезный трудъ. Авторъ не иначе подходитъ къ своимъ выводамъ какъ критически. Критическія же его изслѣдованія показываютъ, что онъ имѣлъ подъ руками лучшія недавно вышедшія монографіи на западѣ по вопросу его занимавшему, предъ которыми онъ рабски не преклонялся, но сравнивалъ, сличалъ ихъ и дѣлалъ заключенія на основаніи фактическихъ показаній. Правда, онъ не всегда одинаково располагаетъ силою въ своихъ доказательствахъ; по мѣстамъ въ его доводахъ замѣтны натянутость, искусственность и даже нѣкоторое безсиліе; но это происходитъ отъ того, что онъ вступаетъ въ споръ съ критиками уже послѣдвшими въ научныхъ работахъ. Вообще же его трудъ производитъ благопріятное впечатлѣніе. По знакомству съ литературой предмета, по правильному и отчетливому изложенію мыслей сочиненіе даетъ полное право на полученіе кандидатской степени, но послѣ болѣе внимательной отдѣлки, оно можетъ быть рекомендуемо для печати въ видѣ отдѣльной монографіи“.

б) о сочиненіи студ. *Алексыя Покровскаго*: „взглядъ новѣйшей отрицательной критики на происхожденіе соборнаго посланія св. Ап. Іакова.“

„Авторъ сочиненія: „взглядъ новѣйшей отрицательной критики на происхожденіе соборнаго посланія св. Ап. Іакова“ дѣлитъ свой трудъ на два отдѣла. Въ первомъ представляетъ краткій очеркъ миѣній отрицательной критики на происхожденіе посланія Ап. Іакова, во второмъ разбираетъ эти миѣнія и устанавливаетъ свой взглядъ какъ на происхожденіе посланія, такъ и на лице писателя.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ главнымъ образомъ останавливается на миѣніяхъ ново-тубингенской школы, не исклю-

чая и послѣдняго представителя ея Гильгенфельда; взглядовъ Гримма и Гольцмана онъ касается только какъ соприкосновенныхъ съ выводами ново-тюбингенской школы. Впрочемъ и мнѣнія представителей ново-тюбингенской школы онъ передаетъ въ общемъ видѣ, не входя въ подробное изложеніе ихъ. Главнымъ исходнымъ пунктомъ отрицанія подлинности посланія Ап. Іакова для критической школы, по мнѣнію автора, служить мнимая полемика Ап. Іакова съ ученіемъ Ап. Павла объ оправданіи. Отсюда уже вытекаетъ заподозрѣваніе его въ евіонизмъ, ессействъ и тенденціозной примирительности. Но въ то время какъ по этимъ качествамъ, открываемымъ въ посланіи, первые представители ново-тюбингенской школы отодвигали написаніе этого посланія къ концу перваго вѣка и даже къ началу втораго, позднѣйшіе поборники той же школы готовы отнести написаніе его къ восьмидесятымъ годамъ нашей эры. Это отступленіе отъ прежнихъ положеній не служитъ впрочемъ признакомъ примиренія и соглашенія критической школы съ церковнымъ преданіемъ касательно происхожденія посланія отъ апост. Іакова; въ основѣ его все таки лежитъ непризнаніе подлинности за нимъ какъ за апостольскимъ писаніемъ.

Переходя къ опроверженію мнѣній отрицательной школы, авторъ по пунктамъ, намѣченнымъ въ первомъ отдѣлѣ, прежде всего старается доказать, что посланіе не представляетъ никакихъ слѣдовъ вражды между первоапостолами; въ немъ не видно такъ же разногласія между ученіемъ ап. Павла и ап. Іакова объ оправданіи; все разногласіе сводится къ усвоенію неодинаковыхъ понятій съ словоупотребленіемъ. Тѣмъ болѣе его нельзя заподозрить въ евіонизмъ, ессействъ и тенденціозной примирительности; оно носитъ неотразимые слѣды близости къ ученію Іисуса Христа и предполагаетъ въ писателѣ лице, близко знавшее его. Такимъ могъ быть Іаковъ праведный, братъ Господень по плоти, епископъ іерусалимскій. Характеръ посланія,

его содержаніе и церковное преданіе вполне подтверждают такое предположеніе. Посланіе по времени происхожденія принадлежитъ къ памятникамъ глубокой христіанской древности, а по ученію и содержанію къ писаніямъ, явившимся среди іудейскихъ христіанъ.

Таковы общіе выводы автора; въ доказательствахъ своихъ онъ не всегда владѣетъ достаточною силою; въ трудныхъ случаяхъ онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ вопросительнымъ предложеніямъ, но иногда дѣлаетъ и мѣткія замѣчанія; въ полемическихъ пріемахъ онъ иногда пользуется отступленіемъ отъ своихъ положеній. Вообще же за исключеніемъ этихъ недостатковъ сочиненіе въ принятомъ направленіи выдержанно, показываетъ достаточное знакомство съ литературою предмета и рекомендуетъ въ авторѣ человѣка, способнаго ясно и отчетливо излагать свои мысли. Эти данныя даютъ ему достаточное право на полученіе кандидатской степени“.

Отзывъ заслуженнаго орд. профессора Д. Постыхова о сочиненіи студ. Михаила Писарева на тему: „Ученіе Филона алекс. о божественномъ логосѣ“ (λόγος θεῖος).

„Высказавъ въ началѣ своего сочиненія общее понятіе объ ученіи Филона о божественномъ логосѣ, какъ нѣкоей посредствующей между Богомъ и міромъ божественной силѣ, и значенія этого ученія въ цѣлой системѣ религіозно-философскаго міросозерцанія Филона, авторъ непосредственно затѣмъ, чтобы ближе и точнѣе опредѣлить природу и сущность этого умопредставляемаго Филономъ посредника между Богомъ и міромъ, въ его отношеніяхъ къ Богу, міру и человѣку, входитъ въ подробное аналитическое изъясненіе важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ моментовъ, входящихъ въ составъ ученія Филона о логосѣ въ ихъ внутренней, логической связи и взаимномъ соотношеніи, и окончивъ этотъ анализъ, для болѣе яснаго представленія дѣла, сводитъ всѣ добытые анализомъ результаты къ общему знаменателю—цѣльному и опредѣленному понятію о логосѣ.

Исполнивъ такимъ образомъ главную задачу своего сочиненія—выяснить и опредѣлить понятіе Филона о логосѣ, авторъ въ заключеніе сочиненія, въ интересахъ богословія, дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, касающихся частію внутренняго смысла и значенія Филонова логоса (какъ ипостаси), а частію отношенія его съ одной стороны къ ветхозавѣтному ученію о мудрости и словѣ Божіемъ и древне-раввинскому о шехинѣ, а съ другой къ новозавѣтному ученію о Словѣ Божіемъ, какъ второй ипостаси св. Троицы. Таково въ краткомъ очеркѣ содержаніе разсмотрѣннаго мною сочиненія!

Нельзя сказать, чтобы автору удалось представить въ полномъ свѣтѣ *все* существенные моменты разсматриваемаго имъ ученія Филона о логосѣ такъ, чтобы въ этомъ ученіи не оставалось ничего неяснаго, возбуждающаго сомнѣнія и недоумѣнія: нѣкоторые, и очень важные, пункты этого ученія, напр. ученіе объ отношеніи логоса къ Богу, представлены имъ далеко не такъ ясно какъ другіе, тоже очень важные, какъ напр. ученіе объ отношеніи логоса къ міру и особенно человѣку. Нельзя также сказать, чтобы авторъ обстоятельно изслѣдовалъ свой предметъ и со *всеми* существенно важныхъ сторонъ; нѣкоторыя стороны его какъ напр. отношеніе ученія Филона о логосѣ къ древне-раввинскому ученію о шехинѣ, метатронѣ и пр., равно какъ и отношеніе его къ идеямъ греческой философіи о божественномъ нусѣ и логосѣ, изложены слишкомъ кратко и неопредѣленно, совсѣмъ не такъ какъ другія, напр. отношеніе Филонова логоса къ логосу новозавѣтнаго откровенія.

Не смотря однакожъ на эти недостатки, разсмотрѣнное мною сочиненіе въ другихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго одобренія, какъ трудъ серьезной и вдумчивой мысли. Единство основной мысли, проходящей чрезъ все сочиненіе и послѣдовательно приводящей къ заключительному выводу всего сочиненія—различію логоса Филонова отъ

Логоса христiанскаго, ясность и точность понятiй, умѣренность въ сужденiяхъ и осторожность въ выводахъ, спокойно — разсудительный тонъ изслѣдованiя и наконецъ сжатый и точный образъ выраженiя мыслей, — всѣ эти логически-литературныя достоинства сочиненiя, въ соединенiи съ достаточно основательнымъ изученiемъ классическихъ мѣстъ Филона, относящихся къ рассматриваемому его ученiю, при умѣломъ пользованiи научными пособiями, представляются настолько цѣнными, что я не колеблюсь признать его вполне удовлетворительнымъ для кандидатской диссертации (4¹/₂)^а.

Отзывъ экстраординарнаго профессора М. Ястребова:
а.) о сочиненiи священника *Николая Кириллова*: „Критика защищаемаго католическими богословами мнѣнiя о томъ, что ап. Петръ въ продолженiе 25 лѣтъ былъ римскимъ епископомъ“.

„Авторъ начинаетъ свое сочиненiе *исторiею* вопроса. Дѣйствительно ли ап. Петръ въ теченiе 25 лѣтъ былъ римскимъ епископомъ и вообще былъ ли онъ въ Римѣ, сомнѣнiя въ этомъ не возбуждалось до времени реформаци. Достоверно не извѣстно, кто изъ протестантовъ первый „поднялъ вопросъ о пребыванiи ап. Петра въ Римѣ“. Но несомнѣнно, что въ самую раннюю пору реформаци Гумельмъ, Иллирикъ, Блондель, Салмазій и Шпангеймъ высказывались рѣшительно, что ап. Петръ не только не былъ епископомъ римскимъ, но и самаго Рима не видалъ никогда. Кальвинъ, допуская, что ап. Петръ умеръ въ Римѣ (по позднѣйшимъ, впрочемъ, сочиненiямъ Кальвина, ап. Петръ едва ли умеръ въ Италiи), не соглашался, чтобы онъ былъ тамъ епископомъ, особенно въ продолженiе долгаго времени. Антонiвъ Спалатенскiй (Сплѣтскiй) проводилъ такую мысль, что ап. Петръ могъ придти въ Римъ въ концѣ своей жизни. Въ противоположность протестантамъ католики доказывали, что ап. Петръ не только былъ въ Римѣ но — епископомъ римскимъ и именно въ продолженiи 25 лѣтъ; это — Кортезiй,

Беллярминъ и Бароній въ XVII ст., Петавій и Фоггивій въ началѣ прошлаго столѣтія.—Споры между католиками и протестантами по вопросу о пребываніи ап. Петра въ Римѣ съ новою силою возобновились съ началомъ настоящаго столѣтія. Со стороны протестантовъ авторъ указываетъ на Гербста, Баура (изъ которыхъ первый высказывался такъ, что ап. Петръ могъ придти въ Римъ только въ концѣ своей жизни и былъ тамъ никакъ не больше года, послѣдній— что ап. Петръ въ Римѣ никогда не былъ: его путешествіе въ Римъ и пребываніе тамъ—не что иное, какъ тенденціозный вымыселъ, выросшій на почвѣ направлений антипавловскаго и петропавловскаго) и (современнаго) Газе. Противъ Гербста и Баура, со стороны католиковъ, выступили на защиту церковнаго преданія о пребываніи ап. Петра въ Римѣ Штейнглейнъ и Гивцель. Почти вслѣдъ за появленіемъ сочиненія Штейнглейна появилась брошюра Эллендорфа, въ которой аргументировалась мысль, что ап. Петръ могъ придти въ Римъ въ концѣ своей жизни; брошюра эта вызвала возраженія со стороны Бинтерима, который отстаивалъ неприкосновенность преданія о 25-лѣтнемъ епископствованіи ап. Петра въ Римѣ.—Въ половинѣ настоящаго столѣтія вопросъ о пребываніи ап. Петра въ Римѣ вызвалъ полемику между католикомъ Виссономъ и протестантомъ Тейлеферомъ.—Но самымъ важнымъ моментомъ въ исторіи вопроса о пребываніи ап. Петра въ Римѣ служить диспутъ, бывшій въ Римѣ между католическими священниками и протестантскими пасторами въ 1872 году. Слабѣйшею стороною на этомъ диспутѣ оказались католики, которые старались отстоять лишь тотъ общій фактъ, что ап. Петръ *былъ* въ Римѣ, хотя бы только одинъ день, даже одинъ часъ. Тѣмъ не менѣе, они далеки были отъ того, чтобы совсѣмъ отказаться отъ своего мнѣнія о 25-лѣтнемъ римскомъ епискоствѣ ап. Петра. Римскій диспутъ былъ послѣднею фазою въ развитіи вопроса о пребываніи ап. Петра въ Римѣ собственно на почвѣ *вѣроисповѣдныхъ инте-*

ресовъ; непосредственно послѣ него этотъ вопросъ „перешелъ въ исключительное вѣдѣніе“ нѣмецкихъ ученыхъ Липсіуса и Гильгенфельда.—Что касается нашей богословской литературы, то въ ней, говоритъ авторъ, нѣтъ труда, специально посвященнаго изслѣдованію вопроса о римскомъ епископствѣ ап. Петра; есть двѣ-три журнальныхъ статьи, прямо или косвенно касающихся этого предмета, да нѣсколько страницъ въ сочиненіяхъ, писанныхъ противъ главенства папы, и—только. Сказать нѣсколько больше того, чѣмъ сколько сказано въ нашей богословской литературѣ по вопросу о 25-лѣтнемъ епископствованіи ап. Петра въ Римѣ—такова скромная задача, которую предполагаетъ себѣ авторъ сочиненія.

Мнѣніе о 25 лѣтнемъ епископствованіи ап. Петра въ Римѣ католическіе богословы основываютъ главнымъ образомъ на преданія, записанномъ у Евсевія, собственно въ его Хроникѣ. Древность не сохранила подлиннаго греческаго текста Евсевіевой Хроники, а въ имѣющихся переводахъ ся іеронимовскомъ и армянскомъ годъ прибытія ап. Петра въ Римъ и время его тамъ епископствованія опредѣляются различно. Прежде всего автору нужно было, очевидно, провѣрить самую католическую ссылку на Евсевія, возстановить *подлинное* мнѣніе Евсевія о томъ а) *когда* ап. Петръ прибылъ въ Римъ и б) *сколько времени* онъ тамъ епископствовалъ. Это авторъ дѣлаетъ въ *первой части* своего сочиненія. По іеронимовскому переводу Евсевіевой Хроники, ап. Петръ прибылъ въ Римъ во 2 г. царствованія Клавдія, или въ 42 г. Р. Хр., по армянскому—въ 3 г. Килигулы или въ 39 г. Р. Хр.; по переводу Іеронима, ап. Петръ епископствовалъ въ Римѣ въ продолженіе 25 лѣтъ, по армянскому—въ продолженіе 20 лѣтъ. Сопоставляя и соображая эти хронологическія указанія съ указаніями и фактами, встрѣчаемыми въ церковной исторіи Евсевія, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что хронологією какъ для года прибытія ап. Петра въ Римъ, такъ и для времени его

тамъ епископствованія должно считать хронологію іеронимовскаго перевода, а не армянскаго, и что, слѣдовательно, католики *правильно* ссылаются на Евсевія въ подтвержденіе своего мнѣнія о 25-лѣтнемъ епископствованіи ап. Петра въ Римѣ.—Но „выдерживаетъ ли критику самое мнѣніе Евсевія, если разсматривать его съ точки зрѣнія данныхъ апостольской исторіи, какъ она представляется намъ въ „Дѣяніяхъ апостольскихъ“, и съ точки зрѣнія преданія церкви, т. е. тѣхъ отеческихъ писаній, въ которыхъ мы находимъ что либо, такъ или иначе касающееся этого мнѣнія“? Вопросъ этотъ подвергается авторомъ обслѣдованію во *второй части* сочиненія. Давши схематическую формулу католическому мнѣнію о римскомъ епископствѣ ап. Петра, аргументируемому на основаніи Евсевія, авторъ подвергаетъ его подробному критическому разбору и находитъ, что оно этой критики не выдерживаетъ: ап. Петръ никакъ не могъ прибыть въ Римъ раньше 49.; если же, какъ признаются и сами католики, отъ 49 г. до 56 г. апостоль находился въ Палестинѣ, то, значить, о прибытіи его въ Римъ въ царствованіе Клавдія не можетъ быть и рѣчи.—Когда же ап. Петръ явился въ Римъ? Этотъ вопросъ разрѣшается авторомъ въ *третьей части* сочиненія и разрѣшается такъ, что „ап. Петръ пришелъ въ Римъ въ концѣ своей жизни, въ царствованіе Нерона, и пострадалъ въ гоненіе на христіанъ, начатое, по свидѣтельству Тацита, въ іюнѣ 64г.“—значить пребываніе апостола въ Римѣ продолжалось никакъ не болѣе одного года.—Въ *заключеніи* авторъ говоритъ, что основателемъ римской церкви, вопреки мнѣнію католическихъ писателей, былъ ап. Павелъ, а не ап. Петръ, и что ап. Петръ не былъ епископомъ въ спеціальному значеніи этого слова, а слѣд. папы не имѣютъ права считать себя преемниками ап. Петра, какъ епископа.

Сочиненіе автора не большое по объему, но очень содержательное, чуждое ненужныхъ и не идущихъ къ дѣлу, вообще эпизодическихъ, вставокъ и отступленій, отличающее-

ся стройнымъ логическимъ построєніемъ, тщательностію и, такъ сказать, пастойчивостію критическаго анализа, ясностію и литературностію изложенія. Нѣкоторая запутанность замѣчается въ первой части сочиненія, въ которой авторъ возстановляетъ подлинное мнѣніе Евсевія о годѣ прибытія ап. Петра въ Римъ и времени его тамъ епископствованія, особенно въ томъ пунктѣ, гдѣ говорится, что мнѣніе о 25-лѣтнемъ епископствѣ ап. Петра въ Римѣ, въ своемъ основаніи, имѣетъ болѣе раннее, до-Евсевіевское преданіе. Это замѣчаніе не унижаетъ, впрочемъ, указанныхъ достоинствъ сочиненія автора, по которымъ оно заслуживаетъ быть названнымъ очень удовлетворительною кандидатскою диссертациею.“

б) о сочиненіи студента *Ософана Ковальницкаго*: „Историческій очеркъ и вѣроисповѣдная система Герригутеровъ.“

„По смыслу темы, авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части, предваряя каждую изъ нихъ предисловіемъ. Послѣ предисловія къ первой части, въ которомъ дается понятіе о герригутерскомъ обществѣ, опредѣляются, затѣмъ, его историческіе и логическіе прецеденты и, наконецъ, указывается трудность изслѣдованія жизни и ученія герригутерскаго общества, происходящая вслѣдствіе этой многосоставности его элементовъ, авторъ первую часть своего сочиненія посвящаетъ исторіи „образованія и развитія общества Герригутеровъ.“ Здѣсь, въ семи отдѣльных главахъ, весьма подробно говорится о Моравскихъ и Богемскихъ братьяхъ, ихъ ученіи, устройствѣ ихъ религіозной жизни, церковномъ управленіи и исторической ихъ судьбѣ до 1722 г., до времени образованія Герригута, даваго пріютъ нѣкоторымъ изъ Моравскихъ братьевъ и сдѣлавшагося зерномъ герригутерскаго общества (гл. I. II),—о графѣ Цинцендорфѣ, патронѣ Герригута и первомъ организаторѣ герригутерскаго общества, его образованіи и о пієтизмѣ, подъ вліяніемъ котораго шло образованіе графа

(въ галльскомъ университетѣ), опредѣлившее направленіе всей его послѣдующей духовно-нравственной жизни (гл. III),— о внутреннемъ и внѣшнемъ развитіи герригутерскаго общества (гл. IV),— о миссіонерской дѣятельности герригутеровъ, или о распространеніи герригутерскаго общества въ Европѣ и др. частяхъ свѣта (гл. V),— объ окончательномъ устройствѣ герригутерскаго общества въ Европѣ (VI) и, наконецъ, объ общественной и религіозной жизни герригутеровъ, ихъ богослуженіи и обрядахъ, дисциплинѣ и управленіи (гл. VII).

Вторая часть сочиненія посвящена изложенію „вѣроисповѣдной системы герригутеровъ.“ Въ предисловіи къ этой части, подъ нѣсколько неудачною рубрикою „Основанія для изложенія ученія,“ авторъ занимается разрѣшеніемъ вопроса о томъ, „можетъ ли быть ученіе герригутеровъ предметомъ изложенія, какъ самостоятельно выработавшееся и вполнѣ опредѣлившееся религіозное міросозерцаніе?“ Этотъ вопросъ возбуждается авторомъ вслѣдъ за нѣкоторыми учеными, напр. Предеромъ, Маргайнеке, Литицемъ и Шнекенбургеромъ. Авторъ соглашается, что „невозможно говорить о герригутерскомъ ученіи, какъ ососой вѣроисповѣдной системѣ. Герригутерское общество, по идеѣ Цвинцendorфа, могло быть только свободнымъ, духовнымъ союзомъ сердець, основаннымъ на сердечной религіи,“ почему его ученіе отличается „поверхностностію и неопредѣленностію, по общему характеру приближаясь то къ лютеранству, то къ реформатству“. Но, говоритъ авторъ, если ученіе Герригутеровъ и не представляетъ собою самостоятельной системы, отличалось общимъ протестантскимъ характеромъ, тѣмъ не менѣе въ немъ есть много особенностей, которыя явились въ герригутерской системѣ, какъ результатъ внутренняго соединенія общихъ протестантскихъ принциповъ съ піетизмомъ и потому оно заслуживаетъ быть самостоятельнымъ предметомъ изложенія. Указавши затѣмъ, изъ какихъ элементовъ сложилась вѣроисповѣдная система Герри-

гугтеровъ (Аугсбургское исповѣданіе и піэтизмъ Шпепера)—авторъ переходитъ къ подробному изложенію этой системы: излагаетъ ученіе о св. писаніи,—о Богѣ (троичность лицъ въ Богѣ),—о лицѣ І. Христа (отношеніе божеской и чело-вѣческой природъ въ І. Христѣ),—о грѣхопаденіи и его слѣдствіяхъ (свободная воля), — о плодахъ искупительной жертвы Спасителя,—объ обращеніи, возрожденіи или оправданіи, и освященіи,—о церкви и таинствахъ (крещеніи и причащеніи). Въ заключеніе развивается мысль о томъ, что »вѣроисповѣдная система Герригугтеровъ представляетъ собою сочетаніе лютеранскихъ и реформатскихъ воззрѣній, опредѣлившееся на началахъ піэтизма«.

Въ общемъ взглядъ автора на вѣроисповѣдную систему Герригугтеровъ можетъ быть принятъ, но съ нѣкоторыми его выводами согласиться нельзя. По словамъ автора, вѣроисповѣдная система Герригугтеровъ представляетъ собою сочетаніе лютеранскихъ и реформатскихъ воззрѣній, опредѣлившихся на началахъ піэтизма. Мысль вѣрная, но авторъ не совсѣмъ вѣрно опредѣляетъ отношеніе этихъ элементовъ къ герригугтерской системѣ. „Піэтизмъ, говоритъ онъ, въ лицѣ Шпепера выражаетъ только отрицательное направле-ніе по отношенію къ *лютеранской ортодоксіи*, которая въ своемъ развитіи основныхъ положеній лютеранства приняла гибельное для нравственности направленіе“. Эта формула не получаетъ у автора ближайшаго, болѣе спеціальнаго раскрытія и, повидимому, взята имъ изъ чужихъ рукъ. Между тѣмъ, если бы авторъ выяснилъ себѣ то явленіе, ко-торое очень часто въ его сочиненіи встрѣчается подъ име-немъ лютеранской ортодоксіи, и отношеніе къ нему піэтиз-ма, онъ ясно увидѣлъ бы, что ученіе напр. о св. писаніи, ученіе о параллельномъ съ вѣрою значеніи добрыхъ дѣлъ въ спасеніи и др. явились въ системѣ Герригугтеровъ не результатомъ противодѣйствія Герригугтеровъ крайностямъ ортодоксальнаго лютеранства (какъ это представляется у автора), а по преемству отъ піэтизма. Не совсѣмъ вѣрно,

Протеклы.

затѣмъ, опредѣляется у автора и отношеніе къ герригутерской системѣ протестантскихъ элементовъ. По словамъ автора, ученіе Герригутеровъ о значеніи искупительныхъ заслугъ І. Христа и спасительномъ ихъ дѣйствиіи на духъ человѣка, объ оправданіи и возрожденіи „стоитъ всецѣло на реформатской почвѣ“. Но съ большею основательностію можно утверждать, что ученіе Герригутеровъ объ этихъ предметахъ стоитъ ближе къ лютеранству, чѣмъ къ реформатству, которое, собственно говоря, эти пункты вѣроученія приняло въ рѣшеніи, данномъ имъ въ лютеранствѣ. Сдѣлаемъ замѣчаніе не въ пользу автора и съ другой еще стороны, именно: желалось бы видѣть болѣе твердое рѣшеніе вопроса о томъ, въ воззрѣніяхъ ли Цинцендорфа, или Шпанбергера слѣдуетъ видѣть выраженіе подлинной доктрины Герригутеровъ? Повидимому на воззрѣнія Цинцендорфа авторъ смотритъ, какъ на его только личныя мнѣнія, но, съ другой стороны, и воззрѣній Шпанбергера онъ „касается лишь тѣхъ, въ которыхъ выражается согласіе Шпанбергера съ Цинцендорфомъ“...

Въ формальномъ отношеніи сочиненіе автора представляетъ собою очень позное изслѣдованіе о герригутерскомъ обществѣ какъ со стороны его исторіи, такъ и со стороны вѣроисповѣдной системы, но обработанное не одинаково въ своихъ частяхъ. Первая часть, по логической группировкѣ матеріала и по изложенію, заслуживаетъ полнаго одобренія. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о второй части, носящей на себѣ замѣтные слѣды поспѣшности работы. Темнота и малообработанность изложенія замѣчается особенно, впрочемъ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ воззрѣнія Цинцендорфа, туманная по существу своему, и слѣдуетъ Шнекенбургеру, писателю весьма трудному.

Въ виду особенной сложности предмета сочиненія, требовавшей отъ его автора знакомства съ множествомъ фактовъ, понятій и цѣлыхъ системъ, съ другой стороны—

достоинствъ его первой части и наконецъ—обширности всѣго сочиненія, грудь автора во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть признаннымъ удовлетворительною кандидатскою диссертациею.“

Б) Церковно-историческаго отдѣленія отъ 11 іюня: «Студенты церковно-историческаго отдѣленія III-го курса представили на кандидатскую степень сочиненія:

1. Димитрій Горлицынь: «Слѣды славянской литургіи въ Чехіи».

2. Александръ Розовъ: «Отношеніе православныхъ южно-русцевъ къ протестантамъ въ XVI в. и первой половинѣ XVII в.».

3. Михаилъ Илуридзе: «Миссіонерство на Кавказѣ и за Кавказомъ въ XVIII и XIX вв., причины его успѣховъ и неудачъ.»

4. Добре Ганчевъ: «Очеркъ обзорѣнія сношеній болгарской церкви съ русскою.»

5. Иванъ Макаревичъ: «Исслѣдованіе объ Антиррисенѣ, историко-полемиическомъ сочиненіи, направленномъ противъ Апокрисиса Христофора Филалета.»

6. Никаноръ Грифцовъ: «Отношеніе между собою духовной и свѣтской власти при распоряженіяхъ по дѣлу раскола.»

7. Георгій Садзагеловъ: «Св. Нина, просвѣтительница Грузіи.»

8. Михаилъ Богоявленскій: «Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ Кіевскій.»

9. Павелъ Стратилатовъ: «О свѣчномъ доходѣ въ русской церкви.»

Представляя при семъ самыя сочиненія, а также подробные отзывы о нихъ рецензентовъ, комиссія имѣетъ долгъ донести, что, по разсмотрѣніи сихъ сочиненій, она, согласно съ отзывами рецензентовъ, признаетъ ихъ удовлетворительными для степени кандидата.“

Отзывы заслужен. ординарнаго профессора *Ив. Малышевскаго*: а) о сочиненіи студ. *Георія Садзгелова* на тему: „Св. Нина просвѣтительница Грузіи.“

„Указавъ на то значеніе, какое имѣеть въ исторіи Грузіи личность просвѣтительницы ея, авторъ въ первой предварительной части сочиненія даетъ обзоръ свѣденій о начаткахъ христіанства въ Грузіи до св. Нины, въ которыхъ видить *подготовленіе грузинъ къ принятію христіанства*. По грузинскимъ преданіямъ, занесеннымъ въ мѣстныя лѣтописи и сказанія, первыми вѣстниками о расцѣломъ въ Іерусалимѣ Христѣ — Мессіи были для Грузіи Мцхетскіе евреи, бывшіе въ Іерусалимѣ въ день смерти Господа и день пятидесятницы вмѣстѣ съ нѣкоторыми спутниками изъ туземныхъ грузинъ. Христіанство держалось среди нихъ и потомъ. Въ связи съ этими преданіями находятся и преданія о хитовѣ или ризѣ Господней, доставшейся грузинскимъ паломникамъ. Новыми благовѣстниками вѣры для Грузіи были Св. Апостолы Андрей, Симонъ и др. Сюда же относятся сказанія о Божіей Матери какъ покровительницѣ Грузіи, бывшей какъ бы ея апостольскимъ удѣломъ. Всѣ эти сказанія имѣють значеніе преданія о раннихъ начаткахъ христіанства и постоянномъ сохраненіи его въ Грузіи въ первые вѣка хр. эры, такъ что до IV в. язычество было уже довольно поколеблено въ Грузіи, а христіанство имѣло покровителей даже въ лицѣ грузинскихъ царей, хотя также подпадало и гоненіямъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Грузіи. Почва же апостольской дѣятельности св. Нины была такимъ образомъ уже подготовлена. Вторая часть сочиненія въ первой главѣ говоритъ о *происхожденіи и воспитаніи Св. Нины*. Придерживаясь мнѣній нѣкоторыхъ мѣстныхъ историковъ Грузіи, авторъ старается утвердить, что Нина была родомъ грузинка изъ Каппадокіи, гдѣ въ коренномъ населеніи страны преобладали грузины, воспитывалась между прочимъ въ Іерусалимѣ, потомъ въ Римѣ и прибыла въ Грузію чрезъ Арменію и не какъ плѣнница,

а по свободному внутреннему призванію къ христіанской проповѣди въ этой ей сродной странѣ. Во второй главѣ описывается самое *прибытіе св. Нины въ Грузію и начало ея апостольской дѣятельности*, обращенной сперва на мѣхетскихъ евреевъ, потомъ на грузинъ, въ особенности на семью груз. Царя Маріана, сопровождавшейся чудесными знаменіями и успѣхами проповѣди. Въ третьей главѣ слѣдуетъ рассказъ о крещеніи царя Маріана, царицы, вельможъ и всѣхъ жителей *Картлиніи*, а въ послѣдней четвертой главѣ дается краткій очеркъ дальнѣйшей апостольской дѣятельности св. Нины въ *областяхъ Грузіи*, съ общимъ заключеніемъ о характерѣ, о высокомъ достоинствѣ и значеніи для Грузіи апостольскихъ трудовъ св. Нины. Сочиненіе автора, не обширное по объему представляетъ однако полный и умѣлый сводъ историческихъ и легендарныхъ свѣдѣній о св. Нинѣ и ея просвѣтителескомъ служеніи, въ Грузіи, свѣдѣній, почерпнутыхъ въ значительной части изъ грузинскихъ источниковъ, хорошо знакомыхъ автору, какъ грузинѣ. Легендарнымъ сказаніямъ авторъ довѣряетъ иногда болѣе, чѣмъ то дозволяетъ строгая историческая критика, но такое довѣріе естественно въ немъ, какъ грузинѣ, дорожащемъ мѣстными преданіями. Общая характеристика святой просвѣтительницы Грузіи очень хороша. Литературная сторона сочиненія также безупречна. Вообще сочиненіе удовлетворительно для степени кандидата“

б) О соч. студ. *Мих. Боголюбскаго*: „Варлаамъ Ясинскій митрополитъ Кіевскій.“

„Варлаамъ Ясинскій не принадлежитъ къ особенно выдающимся лицамъ въ ряду кіевскихъ іерарховъ и вообще духовныхъ дѣятелей своего времени. Но время это (1627—1707 гг.) само по себѣ столько замѣчательно въ исторіи южно-русскоѣ и вообще русской церкви, что біографическій очеркъ Ясинскаго въ связи съ событіями времени получаетъ несомнѣнный интересъ, понятый авторомъ очерка. Общую характеристику состоянія южно-русской церкви въ част-

ности кievской митрополіи, до выступленія на служеніе ей Варлаама Ясинскаго, авторъ достаточно выясняетъ тѣ нелегкія задачи, какія предстояли послѣднему и опредѣляли собою характеристическія черты жизни и дѣятельности Ясинскаго. Въ первой части своего сочиненія авторъ обозрѣваетъ жизнь и дѣятельность Ясинскаго до вступленія его въ Кіевскую митрополію, гдѣ говоритъ о семейномъ происхожденіи его, воспитаніи въ Кіево-Могилянской Коллегіи, поминая при этомъ состояніе коллегіи и ея главныхъ дѣятелей—воспитателей Ясинскаго, о дальнѣйшемъ образованіи его въ Краковской академіи, возвратясь откуда въ Кіевъ Варлаамъ уже не покидалъ его, посвятивъ себя непрерывному служенію правос. церкви на преемственныхъ служеніяхъ. Оно началось въ лаврѣ, гдѣ Варлаамъ въ санѣ іеромонаха завѣдывалъ типографіею, хотя есть вѣроятность, что Варлаамъ около той же поры былъ и учителемъ коллегіи. Съ 1668—9 г., по избранію отъ коллегіи, Варлаамъ занялъ должность ректора ея. При немъ именно и при его ближайшей заботливости начало возстановляться хозяйственное положеніе Братской обители и коллегіи, разстроенное бывшими предъ тѣмъ смутами въ южной Руси, Кіевѣ и самой митрополіи. Повсюду обращался Варлаамъ съ ходатайствами о Братскомъ монастырѣ и коллегіи къ митрополиту, къ гетманамъ, къ польскому королю и въ Москву. Ходатайства его были не безуспѣшны; но новыя препятствія и невзгоды, встрѣченныя имъ на этомъ пути, отдаляли надежду на полное устройство коллегіи, особенно ея учебнаго дѣла, и Варлаамъ, послѣ 6 лѣтъ ректорства, оставилъ (1676 г.) эту должность, при которой онъ между тѣмъ продолжалъ принимать участіе въ типографскихъ работахъ лавры. За тѣмъ, по однимъ извѣстіямъ, Варлаамъ поступилъ въ игумены михайловскаго монастыря, по другимъ— въ Лавру на должность проповѣдника. Авторъ утверждаетъ послѣднее, отвергая михайловское игуменство Варлаама. О проповѣдничествѣ Варлаама въ лаврѣ автору не удалось

найти что—либо особенное, вѣроятно, потому, что эта дѣятельность Варлаама и не была выдающеюся. Съ 1680 г. Варлаамъ, по избранію братіи Пустынно—Никольскаго монастыря сталъ игуменомъ его, но не надолго (до 1684), заявивъ свое игуменство заботами объ охраненіи имущественныхъ правъ монастыря. Теперь онъ пользовался такою извѣстностію и уваженіемъ, что въ 1684 г. на соборѣ лаврской братіи и при участіи другихъ духовныхъ лицъ и знатныхъ мірянъ Варлаамъ избранъ въ архимандрита лавры, принявъ посвященіе отъ Лазаря Барановича, и, не желая предъ тѣмъ обращаться по этому предмету къ московскому патріарху, уже думавшему о подчиненіи себѣ кievской митрополіи, нашель однако необходимымъ испросить отъ послѣдняго утвердительную грамоту, которая и была первымъ актомъ, ведущимъ къ подчиненію патріарху. Въ самое первое время архимандритства Варлаама совершилось дѣло подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху. Остановливаясь на этомъ важномъ дѣлѣ, авторъ характеризуетъ отношеніе къ нему Варлаама и лавры, ихъ нечувствіе къ дѣлу, даже протестъ противъ него во имя старыхъ правъ и преимуществъ южно-русской церкви, объясняетъ, даже оправдываетъ такой образъ мыслей и дѣйствій преданіями старины и обстоятельствами времени. Съ этой точки зрѣнія онъ объясняетъ и даже защищаетъ дѣйствія Варлаама и лавру по огражденію своей независимости отъ новопоставленнаго въ Москвѣ кievскаго митрополита съ удержаніемъ лавры на правѣ патріаршей ставропигіи, хотя уже—не константинопольскаго, а московскаго патріарха. Изъ дальнѣйшей дѣятельности Варлаама въ санѣ лаврскаго архимандрита авторъ отмѣчаетъ его участіе въ сношеніяхъ московскаго патріарха съ представителями южно—русской церкви по вопросу о времени пресуществленія даровъ, съ которымъ связанъ былъ болѣе общій вопросъ о православіи представителей южно-русской церкви и науки, участіе Варлаама въ великомъ трудѣ святаго Димитрія Ростовскаго

по составленію и изданію житій святыхъ, а также заботы Варлаама по охраненію и устройству лаврскихъ имѣній и принадлежащихъ лаврѣ монастырей, церковныя строенія его въ лаврѣ, особенно церкви св. Варлаама печ. въ большихъ пещерахъ.—Во второй части сочиненія авторъ говоритъ о Варлаамѣ, какъ митрополитѣ. Разсказавъ о его избраніи въ Кіевѣ и посвященіи въ Москвѣ на митрополию, о состояніи послѣдней въ моментъ этого событія, подробно описываетъ дѣятельность Варлаама по управленію кіевскою митрополичьею епархіею, по участию въ церковныхъ дѣлахъ другихъ православныхъ епархій юго зап. Руси, наконецъ по отношенію къ Кіевской Академіи. Дѣятельность Варлаама въ первомъ отношеніи сосредоточивалась на охраненіи, частію разширеніи предѣловъ епархіи, упроченіи средствъ своей кѣедры, огражденіи правъ своей митрополичьей власти, при постоянно впрочемъ добрыхъ и послушныхъ отношеніяхъ къ московскому патріарху, объ устройствѣ консисторіи, протопопскихъ и монастырскихъ правленій, говоря о которыхъ авторъ подробно исчисляетъ какъ протопопіи, такъ и монастыри митрополичьей епархіи. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается далѣе авторъ на устроенномъ Варлаамомъ Кіевскомъ соборѣ 1691 г. и постановленіяхъ или заповѣдяхъ этого собора, выясняя значеніе ихъ для тогдашняго духовенства. Слѣдуютъ за тѣмъ то краткія, то болѣе подробныя замѣтки о поѣздкахъ Варлаама по епархіи, ревизіяхъ ея чрезъ особыхъ лицъ, о заботахъ его по обновленію Соф. Собора и другихъ храмовъ въ Кіевской епархіи и т. под. Устройство престарѣлымъ митрополитомъ Переяславской кѣедры, какъ викарной при митрополіи, было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ его. По отношенію къ другимъ епархіямъ юго-западной Руси дѣятельность Варлаама направлена была къ охраненію интересовъ православія, встрѣчая немало затрудненій. Кіевская Академія была предметомъ особенной заботливости Варлаама, время митрополитства котораго было временемъ выхода ея изъ прежняго

запущенія и вообще временемъ цвѣтущаго состоянія академіи. Въ связи съ этимъ стояли заботы Варлаама вообще объ усиленіи средствъ духовнаго просвѣщенія для духовенства, хотя самъ онъ не оставилъ замѣчательныхъ собственныхъ произведеній въ этой области.

Авторъ, исчерпавъ почти все, что можно было найти и сказать о Варлаамѣ. Кромѣ печатныхъ источниковъ, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями изъ мѣстныхъ архивовъ и академическаго музея. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удалось исправить ошибки или неточности въ прежнихъ свѣдѣніяхъ по занимающему его предмету. Мѣстами вредятъ сочиненію излишняя рогтанутость, повторенія. Но вообще сочиненіе обработано старательно и добросовѣстно и вполнѣ удовлетворительно для степени кандидата.“

в) *О сочиненіи студ. Павла Стратилатова: „о свѣчномъ доходѣ въ русской церкви.“*

„Послѣ общаго замѣчанія о весьма важномъ значеніи этого предмета въ русской церкви, ея хозяйственномъ устройствѣ, обизіи разнаго рода журнальныхъ статей о немъ, но отсутствіи доселѣ болѣе серіознаго, цѣлостнаго историческаго изслѣдованія о немъ, авторъ предназначаетъ слѣдить состояніе свѣчнаго дохода въ русской церкви въ трехъ періодахъ: отъ начала русской церкви до реформы Петра в., отсюда—до 1809 г., и затѣмъ до нашего времени.

Въ древне-русской церкви свѣчной доходъ не выдѣлялся изъ другихъ доходовъ церкви въ особую доходную статью, не составлялъ особой законами огражденной монополіи ея и шелъ не на спеціальныя, а на общія потребности церкви. Сливаясь съ общими средствами содержанія церквей, монастырей, свѣчный доходъ являлся болѣе спеціальнымъ доходомъ только для низшихъ и бѣднѣйшихъ членовъ церковнаго причта, хотя имъ пользуются, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще, и другіе. Свѣчное производство было очень просто и слабо, и лучше шло только въ монастыряхъ. Братчики и братства осо-

бенно сильно повліяли на упорядоченіе и развитіе свѣчнаго производства и дохода въ русск. церкви, не измѣнивъ существенно его содержанія и назначенія.

Со времени Петра В. и по его мысли свѣчной доходъ, т. е. доходъ отъ продажи воск. свѣчей, становится особеннымъ правомъ церковей, какъ бы монополіею церкви съ спеціальнымъ назначеніемъ прибыли отъ него на церковно—благотворительныя учрежденія въ видѣ богадѣленъ. Улучшается при помощи казенныхъ заводовъ производство восковыхъ свѣчей чрезъ очищеніе и бѣленіе воску и т. под.; частный торгъ и промыселъ восковыми свѣчами стѣсняется ради усиленія церковной продажи свѣчей.

Но предначертанія и мѣры Петра относительно свѣчнаго дохода, слабо и не умѣло поддерживаемыя въ послѣдующее время, не достигли желанной цѣли, хотя все таки въ періодъ со времени Петра до начала XIX в. свѣчное производство и свѣчной доходъ церкви развились настолько, что уже не очень трудно было понять все возможное значеніе его въ будущемъ.

Это поняла коммиссія о преобразованіи духовныхъ училищъ, проведшая мысль объ утвержденіи за церковію монополіи розничной продажи восковыхъ свѣчъ и обращеніи всей прибыли отъ нея спеціально на содержаніе духовныхъ училищъ, мысль, Высочайше утвержденную и облеченную въ законъ съ цѣлымъ рядомъ послѣдовавшихъ тогда же и потомъ отдѣльныхъ мѣръ и распоряженій касательно этого предмета со стороны духовнаго вѣдомства, особенно коммиссія духовныхъ училищъ и хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ, и со стороны правительства. Эти мѣры и распоряженія клонились къ огражденію церковной монополіи на розничную продажу свѣчей отъ злоупотребленій частныхъ торговцевъ свѣчами, улучшенію свѣчнаго производства, упорядоченію отчетности по свѣчному доходу и возвышенію прибыли отъ него. Блестящимъ результатомъ этого было постепенное увеличеніе свѣчнаго дохода церкви, составившаго

весьма почтенный и главнѣйшій источникъ содержанія дух. училищъ. Въ новѣйшее время необходимость новаго усиленія этого источника, въ связи съ движеніемъ общаго вопроса объ улучшеніи быта духовенства привело къ мысли о новомъ развитіи свѣчной операціи въ видѣ церковныхъ свѣчныхъ заводовъ являющихся по епархіямъ съ 1860-хъ и еще болѣе съ 1870 годовъ и уже дающихъ или обѣщающихъ дать значительныя выгоды церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ свѣчной доходъ опять соединяется въ общій съ другими статьями доходъ церкви, изъ котораго выдѣляется общій процентъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Дальнѣйшій успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ болѣе строгаго примѣненія какъ общаго закона о свѣчной монополіи церкви, такъ и отдѣльныхъ распоряженій по сему предмету, а также отъ болѣе внимательнаго умѣлаго и справедливаго отношенія самаго духовенства къ этой важнѣйшей статьѣ церковнаго хозяйства.

Авторъ обозрѣлъ предметъ съ достаточною обстоятельностью, послѣдовательно и отчетливо все, что вліяло на развитіе свѣчнаго дохода въ русской церкви до той степени, какой онъ достигъ въ послѣднее время, съ какою онъ можетъ развиваться и далѣе. Онъ довольно справлялся съ историческими указаніями на свѣчное дѣло въ древне-русской церкви; еще тщательнѣе собралъ онъ то, что даетъ по этому вопросу новое время. Удачно группируетъ онъ свѣдѣнія этого рода, выбранныя изъ многочисленныхъ, нерѣдко мелкихъ замѣтокъ, появлявшихся въ нашихъ духовныхъ журналахъ и епарх. вѣдомостяхъ. Къ концу обзора приложено нѣсколько таблицъ представляющихъ формы отчетности по свѣчному доходу и наконецъ общая таблица движенія свѣчнаго дохода по епархіямъ и во всѣхъ ихъ въ совокупности съ 1830 по 1871 годъ.—Сочиненіе несомнѣнно удовлетворительно для степени кандидата.“

Отзывъ ординарнаго профессора А. Воронова: а) о сочиненіи студента Димитрія Горлицина подъ заглавіемъ: „Слѣды славянской литургіи въ Чехіи.“

„Вопросъ о существованіи православно-славянской литургіи въ Чехіи есть одинъ изъ спорныхъ вопросовъ церковной исторіи Чехіи. Тогда какъ гусситскіе историки и многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ западныхъ съ Шафарикомъ во главѣ, а также и почти всѣ русскіе ученые и преимущественно славянофилы утверждали и утверждаютъ существованіе этой литургіи въ Чехіи по крайней мѣрѣ до XII столѣтія, другіе ученые, во главѣ которыхъ былъ Добровскій и Копитаръ, отрицали и отрицаютъ эту мысль. Задача автора состояла въ томъ, чтобы критически повѣрить основанія за и противъ этой мысли, представляемая наукою. Авторъ и выполняетъ эту задачу, слѣдя въ церковной исторіи Чехіи отъ обращенія ея въ христіанство и до XII вѣка тѣ факты, которые прямо или косвенно подтверждаютъ существованіе православно-славянской литургіи въ Чехіи и указываютъ на борьбу противъ нея со стороны латинства и папства. И въ общемъ и во всѣхъ частностяхъ авторъ безусловно слѣдуетъ болѣе справедливому положительному рѣшенію даннаго вопроса. Но сложившись рѣшительно на сторону одного направленія въ рѣшеніи вопроса, авторъ оставляетъ безъ достаточнаго вниманія, почти игнорируетъ данныя выставлемыя сторонниками другаго. Это конечно произошло оттого, что авторъ не имѣлъ достаточно научныхъ средствъ для серьезной и самостоятельной критической провѣрки обѣихъ направленій, а потому и ограничился лишь тѣмъ, что нашелъ у представителей положительнаго направленія, которому и слѣдовалъ безъ достаточной критики. Недостатокъ важный, но нѣсколько извиняемый трудностію задачи, которая для вполне удовлетворительнаго и самостоятельнаго рѣшенія требуетъ не только спеціально-исторической, но и филологической подготовки. Автору же нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ той заслугѣ, что онъ внимательно

изучилъ и логически, стройно изложилъ то, что по данному предмету сдѣлано Шафарикомъ, Палацкимъ, Елагинымъ, Клевановымъ, Новоструевымъ, Ваттенбахомъ и нѣкоторыми другими. Сочиненіе я признаю для полученія степени кандидата удовлетворительнымъ.“

б) *О сочиненіи студента Добре Ганчева подѣ заглавіемъ: „Очеркъ обозрѣнія сношеній болгарской церкви съ русскою“.*

„Сочиненіе обнимаетъ данный предметъ во всей полнотѣ. Историческая жизнь сначала открывала возможность благотворнаго просвѣтительнаго вліянія болгарской церкви на русскую: авторъ слѣдитъ эти отношенія въ эпоху первоначальнаго христіанскаго просвѣщенія Руси въ X и XI столѣтіяхъ, и затѣмъ въ татарскій періодъ, доказывая, что съ Аѳона въ это время шла къ намъ преимущественно болгарская письменность и болгарскія образовательныя вліянія, выразившіяся особенно въ дѣятельности митрополитовъ Кипріяна, котораго авторъ признаетъ болгаринимъ, и Григорія Самвлака. Съ освобожденіемъ Руси отъ ига татарскаго и съ паденіемъ болгарскаго царства отношенія между болгарскою и русскою церковію измѣняются, и уже не Болгарія помогаетъ Россіи, а Россія Болгаріи—сначала матеріальнымъ вспоможеніемъ преимущественно Рылъскому монастырю, Аѳонскому Зографу, болгарскимъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, особенно македонскимъ, какъ наиболѣе нуждающимся, вспоможеніемъ, которое начинается съ XVI и продолжается въ XVII в., а потомъ и нравственною, духовною поддержкою, выражавшеюся съ конца XVII в. въ образованіи болгаръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ Московской греко-славянской Академіи и старой Кіевской Академіи, образованіи, вліяніе котораго на болгаръ особенно расширилось въ текущемъ столѣтіи, въ снабженіи болгарской церкви богослужебными и другими книгами, въ нѣкоторыхъ заботахъ объ облегченіи участи болгаръ, хотя и без-

успѣшныхъ, и въ благотворномъ для болгаръ участіи русской церкви въ рѣшеніи греко-болгарской распри.

Къ извѣстнымъ фактамъ относительно даннаго предмета авторъ не прибавилъ почти ничего новаго, и не всею воспользовался въ русской литературѣ по этому вопросу. Можно было бы пожелать болѣе фактическаго и основательнаго изложенія нѣкоторыхъ частей изслѣдованія, въ которыхъ авторъ ограничивается лишь общими и мало обоснованными показаніями. Но при всемъ этомъ сочиненіе имѣетъ и значительныя достоинства. Главное и существенное изложено все; сочиненіе написано вполне правильнымъ и живымъ языкомъ и одушевлено добрымъ направленіемъ и чувствомъ. Сочиненіе я признаю вполне удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата.“

Отзывъ экстраординарнаго профессора протоіерея А—ра Воскресенскаго о сочиненіи студента Никанора Грифицова на тему: „отношеніе между собою духовной и свѣтской власти при распоряженіяхъ по дѣлу раскола.“

„Въ виду высказываемыхъ современными раскольниками положеній, что, при употребленіи противъ раскола строгихъ и карательныхъ мѣръ, „государи только шли за пастырями“... а не „властно и насильно влекли и влекутъ за собою пастырей,“ какъ будто бы думаютъ православные, авторъ поставилъ своею задачею—прослѣдить всѣ бывшія противъ раскола распоряженія духовной и свѣтской властей (до 1800 г.) и на этомъ основаніи составить понятіе о томъ, каково на самомъ дѣлѣ было отношеніе между собою этихъ властей при ихъ распоряженіяхъ по дѣлу раскола. Въ общемъ—всѣ распоряженія властей противъ раскола въ періодъ времени отъ начала раскола до утвержденія едино-вѣрія характеризуются двумя чертами: строгостію мѣръ отъ начала раскола до имп. Петра III и снисходительностію оныхъ послѣ его царствованія. На этомъ основаніи авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части: объ отношеніи между

собою властей 1) до имп. Петра III и 2) послѣ него до 1800 года.

Все свое изслѣдованіе авторъ ведетъ такимъ методомъ: сначала онъ приводитъ и разсматриваетъ распоряженія противъ раскола со стороны власти духовной, потомъ таковыя же распоряженія власти гражданской, затѣмъ—тѣ и другія распоряженія сопоставляетъ между собою, указываетъ между ними связь и изъ этого сопоставленія, на основаніи фактическихъ данныхъ, опредѣляетъ характеръ взаимныхъ отношеній между самыми властями, издавшими свои постановленія по дѣлу раскола для подавленія и предупрежденія распространенія онаго. Послѣ разсмотрѣнія и сопоставленія распоряженій церковной и гражданской властей по дѣлу раскола авторъ—къ концу той и другой части изслѣдованія—пришелъ къ такому заключительному выводу: 1, та и другая власть, руководясь преимущественно и исключительно своими личными интересами и относясь съ полнымъ уваженіемъ одна къ правамъ другой, дѣйствовали каждая въ своей области вполне сомостоятельно и независимо и нисколько не вмѣшались одна въ область дѣятельности другой, но при этомъ 2., онѣ не были совершенно равнодушны одна къ интересамъ другой, напротивъ при взаимномъ сочувствіи старались содѣйствовать другъ другу, помогая одна другой въ осуществленіи тѣхъ мѣръ, которыя принимали онѣ противъ раскола какъ врага церкви и государства. Дѣйствуя въ полномъ согласіи— „союзнически“—власть государственная, соотвѣтственно своему призванію, непринужденно являлась защитницею интересовъ церкви, а власть церковная не противодѣйствовала даже такимъ постановленіямъ противъ раскола, въ которыхъ могла усматривать нѣкоторый ущербъ для интересовъ церковныхъ.

Взглядъ автора на отношеніе между собою властей духовной и свѣтской въ распоряженіяхъ по дѣлу раскола вѣренъ, характерныхъ правительственныхъ распоряженій для оправданія этого взгляда приведено достаточно; вообще—

какъ по содержанію, такъ и по изложенію сочиненіе удовлетворительно для той цѣли, для которой писано.“

Отзывъ экстраординарнаго профессора Ф. Терновскаго о сочиненіи студ. М. Илуридзе на тему: „миссіонерство на Кавказѣ и за Кавказомъ въ XIX в.в., причины его успѣховъ и неудачъ“.

„При составленіи своего сочиненія авторъ имѣлъ подъ руками слѣдующіе главные источники: а., рукописныя записки объ осетинской миссіи, хранящіяся въ библіотекѣ Кіево-софійскаго собора ргп. № 599; б., акты, изданные кавказскою археографич. комиссіею,—семь томовъ, обнимающіе время съ конца XVIII в. по 1827 г.; в., отчеты общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ съ 1860 по 1870 г. Кромѣ того авторъ пользовался многими дополнительными пособіями, каковы напр. полное собраніе законовъ Россійской имперіи, и немалое количество монографій и статей, относящихся къ исторіи Кавказа и Грузіи. Имѣя подъ руками достаточное количество матеріала и побуждаемый живымъ интересомъ къ предмету работы, для него не чуждому, авторъ успѣлъ составить сочиненіе весьма дѣльное и обстоятельное.

Порядокъ сочиненія слѣдующій:

Во введеніи излагается общая характеристика разнообразныхъ и разноязычныхъ обитателей Кавказа и Закавказья и съ большею подробностію характеризуются племена, служащія предметомъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ, именно: I., грузинское, въ частности: а., коренные грузины, жители Ахалцыхскаго уѣзда, б., ингилойцы, в., пшавы, хевсуры и тушины, г., самузаркандцы и е., сванеты. II, осетинское, III, абхазское, IV., удинское и V., айсорское. До какой степени разрознены и разнообразны эти племена, видно изъ того, что напр. удинское племя, состоящее всего изъ 750 семействъ, говоритъ совершенно особымъ языкомъ. Отсюда видно также,